

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

Лишь так издохнет их божество Хаясасурахимэ, Дева Быстро сплавляющая, что пребывает в Упокоенья Земле, в стране Преисподней, возьмет и, сплавив куда-то, их затеряет.

Лишь так затеряет, начиная с людей из дум и управ, служащих двору Властелина, под небом в четырех направлениях, с сего дня начиная, того, что зовется грехами, не будет.

В знак того, что внимаете вы, наострив свои уши к равнине Высокого неба, поставив коней в Очищение¹ великое года сего при заходе вечернего солнца в день последний минадзуки месяца, отпущению и очищению все, говорю вам, внимайте!

Волхвы стран четырех, отнесите вы всё к великим водным путям и пустите по ним, говорю вам.

Когосюи²

Дополнение к древним сказаниям в одной книге с предисловием

Низшей, пятой степени второго ранга Имибэ-но Сукунэ Хиронари. Приходилось слышать, что в эпоху глубокой древности, когда еще не было письменных знаков, прежние слова и поступки сохранялись и не забывались, передаваясь из уст в уста от благородных к низшим,

¹ Очищавшиеся в этот день должны были поднести определенное количество лошадей.

² Перевод этого раннесредневекового памятника японской литературы хранится в библиотеке Тэнри. Публикация его в настоящем издании основана на копии рукописного варианта перевода, а также машинописной копии, выполненной канд. филол. наук Н. С. Шефтелевич с рукописи. По-видимому, сохранившаяся в архиве рукопись представляет собой самый первоначальный, черновой вариант перевода. Судя по тому, как Н. А. Невский обычно работал над своими литературными переводами, можно предположить, что сам ученый многое изменил бы в тексте, готовя его к печати. Однако никаких следов последующих этапов работы над переводом «Когосюи» в архивах обнаружить не удалось. Публикуемый перевод чрезвычайно точен, иногда до буквализма, затемняющего смысл. С одной стороны, это обстоятельство может облегчить работу японоведам, изучающему древний памятник в оригинале, однако рукопись нуждается в пояснениях в тех местах, которые оказываются непонятны всем, кроме узких специалистов. Кроме того, сам этот памятник довольно лаконичен, многие мифологические сюжеты в нем не излагаются, а обозначаются или называются.

Ввиду несомненной важности этой работы Н. А. Невского не только в контексте настоящего издания, но и для всего отечественного японоведения мы сочли необходимым дать к переводу более пространственные комментарии, чем к другим публикациям, дабы ввести в научный обиход один из древнейших памятников японской письменности.

Все японские имена и реалии Н. А. Невский записывал в латинице, давая в скобках иероглифическое написание. Для удобства чтения и типографского набора мы заменили эти обозначения принятым вариантом кириллической транскрипции.

от стариков к молодым. С появлением письменности не любили толковать древности. Наперерыв появлялась пышная [ничего не стоящая]¹ литература, и даже издевались над древними стариками. Но вот прошли века, мало-помалу и жизнь совсем изменилась вместе со временем. Оглянешься, чтобы спросить о старине, — нет никого, кто бы знал о ее сущности. И хотя в государственной истории и фамильных записях и занесен ее источник, но та или другая подробность все же упущена. Если я, глупый подданный, не расскажу, то боюсь, что совсем не передастся. К счастью, удостоившись августейшего осведомления и желая излить накопившуюся досаду, я и записал древние сказания, чтобы представить на императорское усмотрение. Аминь.

Пришлось слышать, что в начале образования мира Идзанаги и Идзанами², два божества, совместно стали мужем и женой и роди-

---

«Когосюи», или «Дополнение к древним сказаниям», как переводит это название Н. А. Невский, вместе с «Кодзики» и «Нихон сёки» составляет основной корпус текстов японских мифов и квазиисторических преданий. Составление «Когосюи» теперь обычно относят к 807 г. (2-й год Дайдō), т. е. к самому началу эпохи Хэйан, поскольку эта дата значилась в наиболее распространенных списках памятника. Автор «Когосюи» — Имибэ-но Хиронари — в возрасте восьмидесяти лет составил свое «Дополнение к древним сказаниям», не в последнюю очередь с надеждой поправить положение жреческого рода Имбэ, к которому он принадлежал. Благодаря возвышению рода Фудзивара, из которого выбиралась официальная супруга императора, род синтоистских жрецов Накатоми, ветвью которого были Фудзивара, занял главенствующее место при дворе, Имибэ же при этом оказались оттеснены. И вот, написав «Когосюи», Хиронари поднес свиток императору Хэйдзэй, надеясь, что собранные им мифы и предания подтвердят древность, т. е., применительно к архаическому мировоззрению, юридическую правомочность ритуальных функций рода Имибэ. Отсюда — композиция памятника: помимо древних сказаний в него вошли так называемые одиннадцать пунктов — аргументов в пользу извечной значимости рода Имибэ в придворных синтоистских церемониях.

Помимо соперничающих жреческих родов «Когосюи» имеет еще одну мишень для полемики — китайскую ученость и пришедшие вместе с иероглифической письменностью типы умозрения, прежде всего, по-видимому, конфуцианство и буддизм. В предисловии к «Когосюи» Имибэ-но Хиронари пишет: «С появлением письменности не любили толковать древности. Наперерыв появлялась пышная <...> литература, и даже издевались над древними стариками <...> Оглянешься, чтобы спросить о старине, — нет никого, кто бы знал о ее сущности <...> Если я, глупый подданный, не расскажу, то боюсь, что совсем не передастся». Здесь, в этой цитате, ярко выражена картина сопротивления архаической культуры все более расширяющемуся влиянию китайской литературы, религиозно-философских систем и типов мироотношения; присутствует и такое общее для многих адаптирующих культур представление о письменности как средстве «не для памяти, а для забывания».

¹ В квадратные скобки заключены пояснения Невского, а в круглые — примечания средневекового копииста, составляющие, таким образом, часть оригинала.

² Пара божеств-первопредков, возможно, связанных с мифологемой супругов-демиургов в мифах Юго-Восточной Азии. И в «Кодзики» и в «Нихон сёки» (в нескольких версиях) приводится миф о порождении этой парой божеств Японских островов и нескольких групп богов. Этот пассаж текста от других мифологических сводов отличает то обстоятельство, что перечисляемые имена самых ранних богов уже сопровождаются комментариями, сообщающими имена родов, которые произошли от того или иного божества.

Примечательно также, что, например, согласно «Кодзики», божество солнца (Аматэрасу), луны (Цукуёми-но микото) и хтонический бог Сусаноо рожда-

ли «страну Великих восьми островов»¹, а также горы, реки, травы и деревья; затем родили Богиню Солнца, Бога Луны и в конце концов родили бога Сусаноо²; но постоянным поведением бога Сусаноо были плач и рыдания, чем он заставлял народ преждевременно умирать, а зеленые горы засыхать. Вследствие этого отец и мать, два бога, изрекая сказали: «Ты совсем безнужен, скорее убирайся в Корень-страну!»

Затем в начале отделения неба от земли имена богов, родившихся в центре неба, называют: Амэноминаканусиноками, затем Такамимусубиноками (древнее слово — *такамимусуби*; это *сумэрагамуцу* [императорский предок] Камуругиномикото), затем Камумимусубиноками (это — Сумэрагамуцу Камуруминомикото. Сын этого божества, Амэнокоянэномикото и есть предок Накатомино Асон). Имя дочери, рожденной этим Такамимусубиноками, называют Такухататидзихимэномикото (мать небесного предка Амацухикономикото). Имя его сына называют Амэноосихиномикото (предок Отомо-но-Сукунэ); имя другого сына называют Амэнофутотаманомикото (предок Имибэ-но Сукунэ). Имена богов, руководимых Футотаманомикото, назы-

---

ются тремя последними из четырнадцати божеств, возникших при ритуальном омовении Идзанаги после его возвращения из страны мрака Ёмоцукуни. Здесь же эти три божества рождены совместно Идзанаги и Идзанами непосредственно после создания Японских островов. Точно так же Идзанаги и Идзанами в «Кодзики» и «Нихон сёки» появляются лишь в конце создания первых семи поколений богов, появившихся сразу после разделения Неба-Земли, «Когосюи» же начинается повествование непосредственно с Идзанаги-Идзанами.

Весьма любопытно, что в данном тексте отсутствует упоминание Куни-но токотати-но микото, называемого в числе первых в двух других сводах. Вообще расхождения в мифологических текстах относительно божеств, «становящихся» (*нару*) первыми, до появления Идзанаги-Идзанами и Японских островов, свидетельствуют, вероятно, или об утраченной традиции, или же о попытке включить в космологический цикл фрагменты китайских космогонических концепций. Надо сказать, что в других списках памятника приводятся иные, чем в переводе Невского, имена богов или иная последовательность тех же с указанием их родства.

По-видимому, предания о паре первопредков не относились к эзотерической традиции рода Имибэ, иначе трудно объяснить полное отсутствие в «Когосюи» мифа о смерти Идзанами в результате рождения бога огня и путешествия Идзанаги в страну мрака за умершей супругой.

¹ Ооясима, древнее название Японии.

² Загадочное для мифологов божество, противоречия в образе которого принято объяснять его изначальной принадлежностью к мифологии области Идзумо, где он выступает как культурный герой. Ту же область иногда ассоциируют с Корень-страной, Нэ-но куни. Некоторые авторы сближают Нэ-но куни с рюкюской Нирайканай, страной по ту сторону моря. Считается, что как могущественное, но чуждое божество в пантеоне Ямато Сусаноо преобразился в «неистового» бога, которого пришлось подвергнуть искупительным жертвам и изгнанию. Интересно, что, по «Когосюи», Сусаноо подносит Аматаэрасу яшму, после чего они произносят совместный обет, а затем Аматаэрасу рождает с помощью этой яшмы «небесного предка», т. е. предка земных императоров, Акацуномикото. В «Кодзики», например, этому божеству сопутствует Амэ-но осихомими-но микото. Во всех случаях править Японией в конце концов выпадает сыну этого божества от дочери бога Такамимусуби. Таким образом, возможно, достигается идеологическое примирение между пантеонами Идзумо и Ямато.

ваются: Амэнохивасиномикото (предок Имбэ пров. Ава), Таокихооиномикото (предок Имбэ пров. Сануки), Хикосасириномикото (предок Имбэ пров. Кию), Кусиакурутаманомикото (предок Имбэ-[ювелиров] тамадзукури пров. Идзумо), Амэномамахитоцуномикото (предок Имбэ двух пров. Тикуси и Исэ). И вот, когда бог Сусаноо, желая принести прощание Богине Солнца (Аматэрасуооками), поднялся на небо, Куситаманомикото, почтительно встретив его, поднес «прекрасную лучезарную изогнутую яшму» (*мидзуноясаканино магатама*). Бог Сусаноо, приняв ее, в свою очередь, поднес Богине Солнца. Затем совместно заключили договор [*укэй*], и под влиянием этой яшмы она родила небесного предка, Акацуномикото. Таким образом, Аматэрасуооками, воспитывая Акацуномикото, особенно сильно из всех любила его и постоянно лелеяла под мышкой, прозывая называла его Вакико (теперь в народе, называя малолетнего ребенка, говорят Вакако. Это есть измененное данное слово). После этого бог Сусаноо в отношении Богини Солнца вел себя неопишимо и чинил всякие жестокие обиды, как-то: «разрушение межей» (древнее слово — *аханати*), «засыпание каналов» (древнее слово — *мидзоумэ*), «уничтожение водостоков» (старинное слово — *хиханати*), «вторичный посев» (старинное слово — *сигимаки*), «втыкание колышков» (старинное слово — *кусисаси*), живодерство [*икихаги*], обдирание шиворот-навыворот [*сакхаги*], гажение [*кусохэдо*]. (Что касается таких «небесных преступлений» [*амацуцуми*]¹, то бог Сусаноо в то время, когда Богиня Солнца занималась посевом, тайком пройдя на ее поля, коля острями, с нею сражался², вторично сеял семена, разрушал межи, засыпал каналы, портил водостоки; в день «нового риса» [*ниинамэ*] калом испачкал двери, а во время пряжи в светлице, шиворот-навыворот обо-

¹ Нарушения Сусаноо различных табу, приведшие к сокрытию Аматэрасу в Небесном гроте. В целом эти нарушения, вероятно, отражают содержание комплекса ранних юридических представлений. В ритуале великого изгнания грехов в последний день шестого месяца прегрешения делятся на земные и небесные; первые, по-видимому, регулируют половые отношения и направлены против инбридинга, вторые — сферу социальных отношений и ритуальных норм. Список, приведенный в «Когосюи», полностью совпадает с приводимым в тексте ритуала «норито»: «Прегрешения Небесные суть — разрушение межей на полях, завал канав орошения, разрушение запруд, повторный засев, втыкание вех в поле чужое, живодерство, сдирание шкур от хвоста к голове, гажение калом» (см.: «Культовая поэзия древней Японии» в настоящем сборнике). Интересно, что в «Когосюи» Сусаноо совершает все эти нарушения, в то время как остальные своды ограничиваются перечислением лишь нескольких.

² Этот фрагмент текста исследователями толкуется по-разному, однако в любом случае перевод Н. А. Невского, вероятно, ошибочен. Согласно одной точке зрения, речь идет о вбивании кольев для самовольного изменения границ собственности. К. Флоренц полагал, что колышки вбивались в поливное поле, чтобы причинить увечье владельцу, возможно также, что имеется в виду некое магическое действие, имеющее целью вызвать порчу или неурожай.

Сам Н. А. Невский в своем более позднем переводе *норито* называет это прегрешение «втыканием вех в поле чужое» (см. предыдущ. коммент.).

драв живого жеребенка¹, бросил в светлицу. Эти небесные преступления теперь слова в Накатоминохараи². Происхождение шелководства ведет начало от эпохи богов³.)

Тогда Аматаэрасуооками, распалившись гневом, вошла в Небесный грот [амэноивая]⁴ и, заградив скалою-дверью, скрылась. И тог-

¹ Вероятно, этот запрет связан с характерным для многих народов на стадильно общей стадии развития ритуалом обработки туш для жертвоприношений и, затем, собственного употребления. Чтобы душа жертвенного животного или предмета добралась до божества и цель ритуала была достигнута, необходимо было строго соблюдать все правила подготовки приношения. Нарушение целостности оболочки вообще грозило неисчислимыми бедствиями, может быть, поэтому во многих странах дальневосточного ареала и свеживание туш, и плетение корзин из снятой с дерева коры поручалось определенной социальной страте — низшим, своего рода неприкасаемым. В этой связи примечательно, что многие сакральные постройки в Японии возводились из деревьев с неснятой корой. При необходимости снять кору с дерева или кожу с животного эта мера выполнялась в строгом соответствии с установленным порядком и сопровождалась соответствующими ритуалами. К тому же здесь Сусаноо подбрасывает Аматаэрасу ободранного живого жеребенка (в «Кодзики» — освеженного начиная сзади, но, видимо, мертвого).

² Речь идет о вышеупомянутом тексте молитвословия, читаемом жрецом из рода Накатоми во время обряда изгнания скверны в рамках имперского ритуала.

³ Это пояснение Хиронари несколько неожиданно в контексте мифа о прегрешениях Сусаноо. Однако оно может служить подтверждением связи Аматаэрасу с ткачеством, нигде в мифологических сводах не проговариваемой, хотя, несомненно, существующей; так, при переносе ее храма с места на место, что осуществляется в пределах храмового комплекса Исэ каждые двадцать лет, неизменными атрибутами маленькой скульптурки, изображающей Аматаэрасу, являются шпулька и катушки с нитками.

⁴ Знаменитый миф о сокрытии богини солнца в пещере, характерный для многих мифологий, стал одним из центральных в японской культуре древности и породил множество произведений изобразительного искусства.

Как и в других мифологических сводах, в «Когосюи» приводится подробное описание ритуалов, с помощью которых богам удалось хитростью выманить Аматаэрасу из грота. Особенность данного текста прежде всего в том, что всякое называемое божество, покровитель того или иного ремесла, получающее поручение изготовить священные ткани или большие и малые топоры, сопровождается пояснением относительно того, предком какого из современных Хиронари родов оно стало. Центральное место в описываемом ритуале: «заставить Футодама-но микото почтительно сакаки держать и возглашать славословие, а Амэнокоянэномикото помогать ему молением». Первое из названных божеств — предок жреческого рода Имибэ, второму, по традиции, обязаны своим происхождением Накатоми.

В этом фрагменте текста встречается множество реалий, часть из них комментируется в скобках (круглых), по-видимому, раннесредневековыми переписчиками текста, знакомыми с устной традицией Имибэ, некоторые добавления в скобках (квадратных) принадлежат самому Невскому. Поскольку реконструируемый из разных списков текст «Когосюи», который переводил Невский, не во всем совпадает с текстом, послужившим основой для более поздних исследователей «Когосюи», трудно утверждать во всех сложных случаях, что пояснения в скобках принадлежат не копиисту из рода Имибэ, а самому Невскому. По-видимому, можно все-таки предполагать, что здесь его комментарии относятся к слову *нигитэ* (букв. «мягкое полотно», но здесь общее название подношений богам) и к слову *кацура* («головное украшение»).

Некоторые реалии остались без пояснений, например, *юу* — ткань типа бумази белого цвета, технология изготовления которой была заимствована из Китая.

да во вселенной настал постоянный мрак, день не отличался от ночи. Все боги пришли в уныние и заблуждение, так как не на что было поместить рук и ног [т. е. ничего нельзя было делать]. В общем, во всех своих делах стали пользоваться, зажигая свечу. Бог Такакимусуби собрал восемьдесят мириадов богов Ясоёродзуноками на отмелях реки Амэноясу обсудить способ принесения извинения.

И вот, Омоиканэноками [наимудрейший бог], глубоко обдумав и далеко взвесив, совещаюсь, сказал: «Нужно заставить бога Футо-тама, руководя богами разных народов, изготовить нигитэ (букв.: 'мягкое полотно', но здесь общее — название подношений богам). И таким образом заставить бога Исигоридомэ (сын Амэнонукаотономикото. Отдаленный предок делателей зеркал [*кагамидзукуру*]) взять меди с горы Амэнокагуяма и из нее отлить "зеркало в форме солнца", заставить бога Нагасираха (предок Оми из провинции Исэ. Теперь в просторечии одежду называют *сираха* — идет отсюда), посадить коноплю и из нее сделать синий нигитэ [*аонигитэ*], заставить бога Амэнохиваси при помощи бога Цукуими посадить семя дерева кадзи, чтобы сделать белый нигитэ [*сиранигитэ*] (это юу. Вышеуказанные два предмета в одну ночь были в изобилии).

Заставить бога Амэнохадзутио (отдаленный предок Сидори) выткать сидори [ткань из волокон деревьев?]; заставить богиню Амэнотанабатахимэ выткать божескую одежду (так наз. древнее слово — *нигитаэ*); заставить бога Кусиакарутама сделать "сверкающие пятьсот нанизанных яшм" [*ясаканинооцуμισумарунотама*]; заставить двух богов Таокихоои и Хикосасири посредством небесных августейших орудий [*амэномихакари*] (большие и малые топоры — названия различных орудий) нарезать древесного материала в больших ущельях и малых ущельях и построить "прекрасный дворец" (старинное слово — *митономиарака*), а сверх того наделать шляп, копий и щитов; заставить бога Амэномахитоцу наделать всевозможных ножей [сабель], топоров, а также бубенцов (стар. слово *санаги*).

Особого упоминания заслуживает понятие «садовые огни» (*ниваби* — во времена Хэйан так называли первую фазу ритуала *камуисоби* — «игрища богов», проводимого ночью и имевшего целью с помощью разработанных обрядов призвать божество спуститься в дерево, потом увеселять его и подносить дары, а затем, с рассветом, отпраздновать «проводы богов» (*камюокури*). Во время этого празднества также опрокидывалась бочка, на которой танцевала богиня Амэноудзумэ. Название этой бочки Невский переводит как «клятвенная эстрада» — яп. *укэфунэ*. Как замечает средневековый комментатор, «стар. слово *укэфунэ*. Смысл договора». Этот комментарий, буквально переведенный Невским, означает, что первая часть слова *укэфунэ* восходит к понятию *укэи* «договор», «обет», т. е. обряд, после завершения которого можно было определить степень благоволения богов к исполнителю в зависимости от результатов обряда. Такого же рода обет заключали Аматаэрасу и Сусаноо, когда рождали божества с помощью яшмы. Примечательна и вторая часть слова *укэфунэ*: *фунэ* «корабль». По-видимому, это означает, что этнос, почитавший Амэноудзумэ, считался приплывшим из-за моря на корабле, что подтверждается также сведениями, содержащимися в «Кодзики» и «Нихон сёки», относительно чужеродного для племени Ямато происхождения пантомимы *видзюи*, в ряде случаев связываемой с племенем хаято.

Когда эти вещи будут готовы, вырыть дерево сакаки с горы Амэнокагуяма и к верхним ветвям привесить яшмы, на средние ветви повесить зеркало, а на нижние ветви повесить синий нигитэ и белый нигитэ. Заставить Футотаманомикото почтительно держать [и] возглашать славословие, а также заставить Амэнокоянэномикото помогать ему молением. Затем заставить Амэноудзумэномикото (древнее слово *амэноудзумэ*. Это божество сильное, живое, лютное и твердое, почему так и называется. Теперь в просторечии сильных женщин называют *удзуси* — идет отсюда) из лианы масаки сделать кацура [головное украшение], из бамбука и листьев дерева окэ сделать такуса [пучок, чтобы держать в руках] (теперь — *такуса*); держать в руке копье с привязанным к нему бубенцом и перед дверью грота, опрокинув "клятвенную эстраду" (старинное слово *укэфунэ*. Смысл договора), зажегши садовые огни [*ниваби*], искусно исполнить пантомиму [*вадзаоги*] и совместно петь и плясать».

Тогда, следуя совету Наимудрейшего бога [Омоиканэноками], заставили бога Исигоридомэ отлить зеркало в форме солнца. В первый раз отлитое не совсем согласовалось с идеей (это бог Хинокума в пров. Кии), в следующий раз отлитое своим видом было прекрасно (это великий бог Исэ).

Когда приготовления были уже закончены — все как по условленному, — Футотаманомикото многоглаголивыми и сочными хвалебными словами начал говорить: «Сокровище зеркало, иже имею честь держать я, ясно и прекрасно, совсем как ты, госпожа. Прошу открыть дверь и соизволить взглянуть». И вот Футотаманомикото и Амэнокоянэномикото совместно совершили свое моление, и тогда Ама-тэрасуооками в сердце сказала себе: «Когда я замкнулась, вселенная вся покрылась мраком, что же это сонм богов так поет и веселится», — и, еле приоткрыв дверь, выглянула в нее.

И вот повелели боги Амэнотатакарао оттащить эту дверь, перевести [Богиню Солнца] в новый дворец; и тогда Амэнокоянэномикото и Футотаманомикото обвесили кругом этот дворец «солнечной августейшей бечевой» [*хиномицуна*]¹ (совр. *сирикумэнава* — это вид солнечных лучей²), приказали богине Оомияномэ находиться перед Августейшей (это богиня, чудесно рожденная Футотаманомикото. Она подобна современной найси³, которая прекрасными речами и красивыми словами умиряет государя с подданными и заставляя сердце государево радоваться и ликовать) и заставили Тоёивамадономикото

¹ Обнести какую-либо территорию священной веревкой означало придать данному участку земли священный статус, позже таким образом утверждалось право собственности. Обнесение веревкой в древности равнозначно возведению храма в позднейшее время.

² Здесь снова сверхточный перевод Невского, требующий некоторых разъяснений. Имеется в виду, что эти веревки напоминают солнечные лучи.

³ *Найси* означает нечто вроде главной прислужницы императора, главной смотрительницы его внутренних покоев и т. п.

и Кусиивамадономикото, двух богов, стеречь и оберегать ворота дворца (и тот и другой — дети Футотамадомикото).

Как раз в это время небо прояснилось, и все увидели друг друга. Лица всех были ясны и белы. Вытянув руки, пели, плясали и, совместно славословя, говорили¹: Ахарэ (значит «небо прояснилось»), Анаомосиро (стар. слово — все чрезвычайное называется Ана. Это значит, что лица всех ясны — *омосиро*), Анатаноси (это говорит, что, протянув руки, пляшут. Теперь, указывая на довольство, говорят *таноси* — данный смысл), Анасаякэ (шум бамбуковых листьев), Окэ (название дерева. Это есть те звуки, когда шелестишь его листьями).

Вслед за тем оба бога², совместно прося, говорили: «Не возвращайся опять, не уходи!» И тогда, вину [преступление] сложив на бога Сусаноо, велели нести ее посредством «сложенных вещей из тысячи кладовых» [*тикуруаноокидо*] и приказали вырвать волосы на голове и ногти на руках и ногах [его]³ и тем искупить ее. И вот, разрешив вину его, изгнав, спустили. Бог Сусаноо, с неба спустившись⁴, дошел до верховьев реки Хинокава в стране Идзумо и «небесным десятипяденным мечом» [*амэнотоцукацуруги*] (имя его Амэнохахакири. Теперь находится в Исонокаминодзингу. Древнее слово. Большую змею называют *хаха*. Значит «разрубивший змею») зарубил Яматаноороти. Из середины ее хвоста добыл чудесный меч; имя его называют Амэномуракумо (над громадной змеей всегда стояли облака, поэтому так и называется). В год восточного похода Ямато Такэномикото, дойдя до провинции Сагами, столкнулся с опасностью лугового пожара, тогда этим мечом он скосил траву и получил избавление. Меч вновь назвали кусанаги-но-цуруги⁵, и затем [он] преподнес его небесным богам [*амацуками*]. Впоследствии бог Сусаноо,

¹ Далее следует ритуальный текст: *ахарэ аниомосиро анатаноси анисаякэ окэ* с пояснениями переписчика. По-видимому, уже во времена раннего Хэйана смысл этого достаточно давнего текста был не слишком ясен. Существуют разные возможности его истолкования, все они исходят из определенных допущений (наша попытка его интерпретации содержится в статье «Три типа ритуальных текстов древней Японии» в готовящемся к изданию сборнике «Текст в религиях Востока»).

² Коянэ и Футотама (примеч. Н. А. Невского).

³ Аналогичное наказание Сусаноо назначается и в мифах «Кодзики», и в «Нихон сёки». Надо полагать, что речь идет о трансформации сюжета о ритуальном убийстве вождя; на определенном этапе функционирования мифа убийство заменяется частичным жертвоприношением. Сходные сюжеты встречаются в китайских хрониках.

⁴ После мифа о сокрытии Аматэрасу в Небесном гроте здесь, как и в других текстах, следует цикл мифов о Сусаноо, ставшем культурным героем Идзумо. В версии «Когосюи» опущено предание о его женитьбе на Кусинада-химэ и само ее имя. В комментарии переписчика к рассказу о том, как Сусаноо добыл чудесный меч, приводится предание о более позднем использовании этого меча правителем Ямато Такэномикото. Это имя в настоящее время принято читать как Ямато Такэру-но микото.

⁵ Это название переводится как «меч, разрубающий траву».

женившись на дочери местного бога, родил бога Оонамоти¹ (стар. слово — *оонамути*), а затем ушел в Корень-страну. Бог Оонамоти (другое имя Оомонунусиноками, другое имя Оокунунусиноками, еще имя Оокунитаманоками, теперь Оомиваноками из уезда Кигаминоко-ори пров. Ямато — он и есть) с богом Сукунахикона (сын Такаммусубиномикото. Исчез в Токоёнокуни), совместно соединив силы и объединив сердца, устраивали мир для людей и домашних животных, установили способы лечения болезней, для избавления от бед [от] зверей, пернатых и насекомых, установили виды заговоров. Весь народ и посейчас получает милости, и все они имеют действие.

Небесный предок, Акацуномикото², введя [в дом] дочь бога Такаммусуби, Такухататидзихимэномикото, родил Амацухикономикото, которого прозывают «Царственным потомком» [*сумэмиманомикото*] (потомок великой богини Аматэрасу и бога Такаммусуби, двух богов, почему и называют [его] Царственным потомком).

Когда свершилось, великая богиня Аматэрасу и Такаммусубиномикото бережно воспитывали «Царственного потомка», желая, спустив [его], сделать государем «Срединной страны обильной тростниками равнины» (*Тоёасиваранакацукуни*); и вот послали бога Фуцунуси (сын богини Ивацуцуномэ. Теперешний Каториноками провинции Симоса он и есть) и бога Такэмикадзути (это сын бога Микахаяби, это теперешний Касиманоками провинции Хитати) прогнать и отстранить [злые божества], умиротворить и утвердить [мир].

Тогда бог Оонамути и его сын бог Котосиронуси, и тот и другой, оба почтительно удалились. И вот, вручая двум богам «копье умиротворитель страны» [*кунимукэнохоко*], сказал: «Я этим копьем на-

¹ Сын Сусаноо, рожденный им, согласно мифологическим сводам, от Сасикунивака-химэ. Одно из его имен, Оокунунуси, переводится как «Бог — хозяин великой страны». Довольно рано это центральное божество пантеона Идзумо было сконтаминировано с божеством Оомива, змеем с горы Оомива, по-видимому, принадлежащим к пантеону Ямато. Таким образом в рамках становящейся государственности и единой культуры достигалось определенное согласие между племенами, еще, по-видимому, сохранявшими этнокультурные отличия. Сам же Оонамоти действует в ряде сюжетов, достаточно далеких от мифов Ямато, — в них, в частности, зафиксирована легенда о зайце, считающем крокодилов, и тому подобные мотивы, имеющие близкие аналогии в мифах Цейлона, Индонезии и Малайского п-ова.

² Уже упоминавшийся потомок Аматэрасу, рожденный при помощи яшмы. Далее в тексте следует миф об устройении страны для воцарения первого властителя. В версии «Когосюи» отсутствует цикл сюжетов о разных, посылаемых с неба на землю вестниках, которые не возвращались и не давали о себе знать. В летопись не включены также вышеупомянутые мифы, связанные с Оокунунуси и относящиеся, вероятно, к мифам племен, чуждым Ямато. По-видимому, это тоже объясняется непосредственной целью создания текста — подтвердить прерогативы рода Имибэ, связанного с племенем Ямато, а не собрать воедино мифы разных племен, в том числе с иной культурной традицией. Бог Оонамути вместе с сыном Котосиронуси завершают усмирение страны и подчинение местных богов (возможно, прежде всего пантеона Идзумо, богами которого они сами являются) и скрываются, освобождая место для царственного потомка.

конец достиг результата устроения. Если небесный потомок, пользуясь этим копьем, будет управлять страной, то непременно она должна умиротвориться и успокоиться; я теперь скроюсь и удалюсь». Речь закончив, он наконец скрылся. Тогда оба бога казнили и подчинили разных непокорных демонов и богов и в конце концов об этом принесли доклад. Тем временем Небесный предок, великая богиня Ама-тэрасу и Такаимусубиномикото, как раз друг с другом говоря, сказали: "Та страна роскошных колосьев тростниковой равнины" [*Асивараномидзухонокун*] есть та земля, в которой мои потомки должны быть государями. Царственный потомок, иди и управляй ею. И процветание трона пусть будет безграничным, как небо и земля!» И тогда, вручив, даровала Царственному потомку Ятанокагами и Кусанагиноцуруги два божественных сокровища¹ и навеки сделала «небесными амулетами» (так наз. *тэндзи* — это меч и зеркало); копье и яшма, само собой, были приложены [букв.: последовали]. И тогда, предписывая, сказал: «Мой сын, смотря на это сокровище-зерцало², должен смотреть как бы на меня, должен держать с собою на одном месте в том же самом дворце и сделать из него чествуемое зеркало», — и затем приказали Амэноудзумэномикото, Футотаманомикото и Амэнокоянэномикото состоять [при нем].

И вследствие этого еще, предписывая, сказал: «Я как раз устроил и возвел "небесный химороги"³ (стар. слово — *Химороги*), "небесную скалистую ограду"⁴ [*Амацуивасака*], в чем должен буду я почтительно молиться за моего потомка. Вы, Амэнокоянэномикото и Футотаманомикото, два бога, должны отнести вниз, "небесный химороги" в "Срединную страну тростниковой равнины", а также за моего потомка почтительно молитесь [там]. — Эй, Вы, два бога, совместно находитесь внутри дворца и хорошенько защищайте и охраняйте. Должно, чтобы колосья жертвенного сада [*юнива*] (это рисовые колосья), употребляемые в моей Равнине Высокого Неба, заставить употреблять и моего сына. Пусть Футотаманомикото, руководя бога-

¹ Первые два предмета из трех инсигний императорской власти в Японии: меч, зеркало и ожерелье из яшмы, до настоящего времени служащие священными регалиями императора.

² Отождествление солнца с зеркалом — часто встречающийся мотив в разных мифологиях. Аналогично в «Нихон сёки»: «Дитя мое, когда ты посмотришь в это зеркало священное, то это будет то же самое, как если бы ты смотрел на меня» (Синтэн, с. 229). В «Кодзики»: «Зеркало это возьми с собой в качестве моей души (*тами*) и поклоняйся ей, как поклонялся бы мне» (Кодзики, с. 127), т. е. зеркало служит вместилищем души богини солнца.

³ *Химороги* — обнесенный священной веревкой или изгородью с навешенными полосками ткани участок земли; иногда обозначался просто воткнутой в землю веткой священного вечнозеленого дерева сакаки тоже с накинутыми полосками священной ткани; священная территория до становления храмовой архитектуры, и поныне сохраняющая свои ритуальные функции.

⁴ Еще одна разновидность священной территории, возможно, связанная с мегалитическими культурами камней. Некоторые из таких оград в виде отдельных камней или их нагромождений сохранились в Японии по настоящее время.

ми разных народов, почтительно исполняет свою службу в том виде, как [это было] на небе». И вследствие этого приказали различным богам присоединиться к свите.

Снова изволили предписать богу Оомонуси: «Должно, управляя восьмьюдесятью мириадами богов, почтительно оберегать Царственного потомка навеки». И тогда заставили Амэноосихинмикото, отдаленного предка Оотомо, совместно с отдаленным предком Кумэбэ, Амэнокусицуоокумэ, препоясаться оружием и вперед выступить. Когда это было сделано и готовы были низвести, как впереди скакавшие, вернувшись, сказали: «Есть один бог, находящийся на Небесном распутье [*Амэноятимата*]; его нос длиною в семь пяденей [*Ата*], спина в длину семь аршин, рот и зад светло блестят; глаза словно зеркала в восемь пяденей, в таком случае отправьте свитских богов спросить о его имени. Из восьмидесяти мириад богов никто не мог смотреть на него». Тогда Амэноудзумэномикото во исполнение предписания отправилась; и вот, выставив свои груди и опустив повязку нижней одежды до пупка, встала напротив и громко захохотала. Тогда бог распутья, спрашивая, сказал: «Зачем ты это делаешь?» Амэноудзумэномикото, в свою очередь, спросила его: «Кто ты, что стоишь на пути, по которому должен шествовать Небесный потомок?» Бог распутья в ответ сказал: «Я слышал, что потомок неба должен снизойти, потому вышел навстречу и жду его; имя мое — Великий бог Сарутахико¹». Тогда Амэноудзумэномикото опять спросила его:

¹ Весьма важная фигура в японской мифологии, хотя происхождение и функции связанных с ним мифологических мотивов все еще не вполне ясны. Описание его в «Когосюи» практически совпадает с описанием в «Нихон сёки», где он однажды именуется богом Ятимата, богом перекрестка. Среди мифологов принято относить его к фаллическим божествам. Поскольку он встречал Царственного потомка на его пути, ему поклонялись как богу-охранителю дорог. Кроме того, он указывал властителю путь с неба на землю и назвал место, куда должен спуститься Царственный потомок, — вершину Такатихонокусибуру в Цукуси (совр. о-в Кюсю). И в «Когосюи», и в «Нихон сёки» это место сошествия на землю Хикохонониниги определяет Сарутахико. В связи с тем, что это божество излучало такой ослепительный свет, что «из восьмидесяти мириад богов никто не мог смотреть на него», предполагается, что оно осветило путь Царственному потомку. По-видимому, отсюда интерпретация Сарутахико как первоучителя синтоизма, например, в трудах Ямадзаки Ансай: «следуя дорогой солнца, он указывал путь». В «Кодзики» рассказывается о том, что Сарутахико пошел ловить рыбу и, прищипав руку раковиной хирабу, опустился на дно, при этом в разные фазы погружения он наделялся разными именами, связанными с понятием дна, водяных пузырей и морской пены, что, быть может, означает, что его функции не ограничены дорогой и перекрестком, а в первую очередь связаны с морем (возможно, это важное божество тоже первоначально не относилось к пантеону Ямато, хотя его морские функции слабо улавливались уже к периоду составления первых мифологических сводов). Его имя можно понимать как «обезьянье поле» (*сару-та*); есть также теория, ассоциирующая это слово с окинавским глаголом *сидару* «вести», возможна связь с понятием *сару*, которым обозначали мимов и танцовщиков. Некоторые авторы сближают сюжет о раковине хирабу с индонезийской сказкой об обезьяне, прищипавшей руку раковиной. Примечательно, что богиня ритуальной пантомимы Удзумэномикото, участвовавшая в извлечении Аматэрасу из Небесного грота, когда ее послали к Сарутахико, исполь-

«Ты пойдешь впереди или же я пойду впереди?» В ответ сказал: «Я первым пойду». Амэноудзумэномикото опять спросила: «Ты куда пойдешь, а также Небесному потомку куда следует идти?» В ответ сказал: «Потомок неба должен идти к вершине Такатихонокусибуру в Химука в Цукуси; я же пойду к верховьям Исудзугава в Санагата в Исэ». И вслед за тем сказал: «Первым открывшим меня была ты — должна проводить меня». Амэноудзумэномикото вернулась и доложила. Сошествие Небесного потомка в конце концов все было как по уговору. Амэноудзумэномикото согласно просьбе его проводила (Амэноудзумэномикото — отдаленный предок Сарумэнокими. Вследствие того, что ею было обнаружено, имя бога превратилось в фамилии. Теперь же как мужчины, так и женщины прозываются Сарумэнокими. Идет отсюда).

Таким образом, сонм богов во исполнение предписания присоединился к свите Небесного потомка и на протяжении веков наследственно каждый исполнял свои обязанности.

Небесный предок Хикохономикото, женившись на дочери бога моря Тоётамахимэномикото¹, родил Хиконагисаномикото². В день рождения на морском берегу поставили терем. Тогда отдаленный предок Канимориномурадзи, Амэноосихитомикото, прислуживал и стоял [там]. Сделав метлу, выметал крабов [*кани*], и вследствие это-

---

зовала те же способы поведения, что и перед богиней солнца; немаловажно также, что та, явно чуждая пантеону Ямато богиня, была единственной, кому Сарутахико открыл свое имя и назначение, т. е. возможна гипотеза, что род танцовщиц Сарумэ, ведущий начало от богини Удзумэ, был ответвлением клана, почитавшего Сарутахико как мужскую ипостась той же ритуально-мифологической функции. (В «Когосюи» имя клана Сарумэ связывается с тем, что богиня-прародительница узнала имя светящегося божества по поручению богов.)

¹ Интересно, что составитель «Когосюи» не включил в свое собрание миф о женитьбе божественного потомка, когда тому пришлось выбирать между «Девой, цветущей, как цветы деревьев» и безобразной «Девой — Длинной скалой». Поскольку была избрана красавица, мифологически связанная с цветением, отец сестер, божество гор, определил божественному внуку и его потомкам краткую жизнь. Это распространенный в мировом фольклоре сюжет о неправильном выборе, навсегда лишаящем людей права на бессмертие. «Когосюи» же сообщает о женитьбе Хикохономикото на Тоётамахимэ, дочери морского властелина, между тем, согласно «Кодзики» и «Нихон сёки», на Тоётамахимэ женился Хоориномикото, не сам божественный потомок, а его сын, рожденный от «Девы, цветущей, как цветы деревьев».

² Полное его имя, согласно другим сводам, — Амацухико нагиса такэ Угая Фукиаэдзу-но микото. Когда он должен был родиться, его мать Тоётамахимэ, морская царевна, попросила своего мужа Хоори не смотреть на нее. Тот нарушил запрет и увидел жену в образе морского чудовища. Тоётамахимэ после этого вернулась в дом отца на морское дно. Интересно, что хижина, специально для родов Тоётамахимэ выстроенная на берегу моря, согласно «Кодзики» и «Нихон сёки», покрывалась перьями чаек. В «Когосюи» связь роженицы со стихией моря, по-видимому, выражена в том, что в хижине было много крабов, которых пришлось выметать. Хиконагисаномикото — последнее божество из последовательности рождающих небесных богов, его рождением заканчиваются первые свитки «Кодзики» и «Нихон сёки», рассказывающие о так называемой эре богов — *камиэ*.

го заведование настилкой полов в конце концов сделали должностью, которая называется канимори (Теперь это называется <...> [?]¹ это измененное данное слово).

В год восточного похода императора Дзимму² отдаленный предок фамилии Оотомо, Хинооминомикото³, предводительствуя воеводами и воинами, уничтожил разбойничьих атаманов. Подвигу его помощи [императорским] велениям не найдется сравнимого. Отдаленный предок фамилии Мононобэ, Нигихаяхиномикото⁴, казнив пленника и приведя [его] толпы, подчинил правительственному войску. Подвиги его верности покрыты славой.

Отдаленный предок фамилии Ямато, Сиинэцухико⁵, встретил и вел императорскую лодку и обнаружил подвиг⁶ на вершине горы Кагуяма.

Отдаленный предок Камоноагатануси, Ятакарасу⁷, ведя императорскую колесницу, обнаружил [счастливое] знамение по дороге Уда⁸.

-
- ¹ Н. А. Невский не транскрибирует иероглифический бином, включенный в приписку к тексту, сделанную средневековым копиистом, а ставит его в скобки со знаком вопроса. По всей видимости, его надо читать как *камори* или *камон*, начало слова *камондзэ* или *камондзукиси*. Так называлась одна из дворцовых управ, служащие которой ведали настилкой циновок и уборкой помещений дворца.
- ² Первый из земных правителей Японии, сын вышеназванного Хиконагисаномикото, женившегося на младшей сестре Тоётамахимэ, иными словами, на собственной тетке. Его восточный поход — по-видимому, переход из Кюсю в Ямато для возведения там столицы, т. е. для строительства собственного жилища. Некоторые исследователи полагают, что династия императоров появилась именно в Ямато и восточный поход требует какого-то иного объяснения.
- ³ Согласно «Нихон сёки», император наградил его именем Митинооминомикото — «министр дорог». Митинооминомикото увлекает злокозненного врага в ловушку, подстроенную этим же самым врагом для императора Дзимму.
- ⁴ Как пишет Д. Филиппи, в «Кудзики» этот персонаж предстает как Амэ-но хоакарино микото, божество, рожденное от Амэ-но осихомими-но микото. Согласно «Кодзики», Нигихаяхиномикото спускается с неба вслед за божественным потомком, чтобы служить ему. По «Нихон сёки», он совершает нисхождение на землю раньше, чем божественный потомок, но, узнав о его прибытии, подносит ему свои воинские регалии (оперенную стрелу и нечто вроде кивера) и убивает главного противника Нигихаяхиномикото, ранее бывшего в услужении у первого спустившегося божества.
- ⁵ Земное божество Уцухико, занимавшееся ловлей рыбы. Уцухико вышел навстречу божественному потомку, императору Дзимму, и служил ему проводником, за что император пожаловал ему имя Синэцухико («Нихон сёки»).
- ⁶ Сиинэцухико, сопровождая Дзимму, встретился с ордой врагов. Императору во сне явилось небесное божество и поведало, что враг будет разбит, если перед боем удастся раздобыть комок земли с небесной горы Кагуяма. Сиинэцухико, переодетый стариком, проникает туда и добывает священную землю, после чего император одолевает своих противников («Нихон сёки»).
- ⁷ По-видимому, японский отголосок распространенного мифа о солнечном вороне (совр. вариант *Ятагарасу*), которого богиня солнца Аматаэрасу направила императору Дзимму в качестве проводника. Перед этим ворон Ятагарасу приснился императору во сне.
- ⁸ Вероятнее всего, само явление ворона на этой дороге и было счастливым знаменем.

Дух несчастий уже рассеялся, не было вторичного ветра и пыли. Построив столицу в Касивара, принялись за постройку императорского жилища. И тогда приказали Амэнотоминомикото (потомок Футотаманомикото)¹ руководя потомками двух богов Таокихоои и Хикосасири, «очищенным» топором [*имионо*] и «очищенными» долотами [*имисуки*] прежде всего набрать лесного [строительного] материала и возвести «настоящие палаты» [дворец]. (Это то, о чем говорится²: «На корнях скал, что на дне, поставив дворцовые сваи вполне солидные, к Равнине Высокого Неба, высоко хиги возведя, прекрасный августейший Дворец Повелителя Царственного потомка имеет счастье построить.) Поэтому их потомки теперь пребывают в провинции, в уезде Накуса в двух селениях Мики и Арака (древнее слово, называется *арака*). Место жительства Имибэ, набравших [строительный] материал, называется Мики, а место жительства Имибэ, строивших дворец, называется Арака, что является свидетельством этого.

Затем приказали Амэнотоминомикото, руководя разными фамилиями Имибэ, наделать различных божественных сокровищ, как-то: зеркал, яшм, копий, щитов, юу и пеньки. Потомки Кусиакарутаманомикото сделали «молитвенные яшмы» [*михогитама*]. (Старинное слово — *михогитама*; значит «моление».) Его потомки теперь обитают в провинции Идзум, и каждый год вместе с оброком представляют свои яшмы. Потомки Амэнохивасиномикото наделали юу и пеньки вместе с грубыми тканями (старинное слово — *Аратаэ*). Затем приказали Амэнотоминомикото, руководя потомками Хивасиномикото, отыскать тучную землю и, послав в провинцию Ава, насадить семена Кадзи и конопля. Их потомки теперь обитают в этой провинции и в годы Оониэ [название большого празднества при вступлении императора на престол] доставляют юу, пеньку, полотна и разные вещи. Вот поэтому-то название уезда и есть Асауэ [?].

Амэнотоминомикото вновь отыскал плодородную местность и, отделив часть от Имибэ из Ава, привел [ее] в восточную землю, посеял, насадил конопля и Кадзи. Т. к. то, где хорошая конопля уродилась, то и называли это провинцией Фуса, а где уродились деревья Кадзи, то называли это уездом Юуки. (Стар. слово — *Аса* [конопля] называется Фуса. Теперь это 2 провинции — Кадзуса и Симоса.) Местожительство Имибэ из Ава вновь называли уездом Ава (теперь

¹ Иногда его имя читают как Аманотоминикото. Это божество, по-видимому, встречается только в «Когосюи», поскольку является одним из родовых божеств священнослужителей Имибэ. Этот и последующие три абзаца свидетельствуют о важной роли Имибэ в подготовке и проведении разного рода ритуалов, принятых при дворе японских императоров во времена Нара-Хэйан.

² Далее в приписке к тексту приводится фрагмент молитвословия норито, называемого *оото-но хокии* «благопожелание великому дворцу». Исполнение ритуала и декламация норито во время празднества освящения жилища императора были прерогативой рода Имибэ. В тексте норито подробно излагается ритуал возведения этой священной постройки на разных этапах строительства (см.: Норито. Сэмме, 1992, с. 107–108).

это провинция Ава). Амэнотоминомикото именно в этой местности поставил храм [в честь] Футотаманомикото. Теперь называют его Аваноясино. Поэтому среди храмовых домов имеется и фамилия Имибэ. Кроме того, потомки Таокихооиномикото наделали древков копий. Их потомки, отделившись, обитают в провинции Сануки. Каждый год кроме податей и работ представляют 800 древков, что служит свидетельством этих фактов.

И тогда, приказав следовать воле двух царственных небесных предков, выстроил Химороги¹, а именно Такамимусуби, Камумимусуби, Тамацумэусуби, Икумусуби, Тарумусуби, Оомияномэноками, Котосиронусиноками, Микэцугами (вышеприведенные теперь составляют культ Ооикамуноко), Кусиивамадоноками, Тоёивамадоноками (вышеприведенные теперь составляют культ Микадонокамуноко), Икусима (это душа восьми великих островов. Теперь составляет культ Икусиманокамуноко), Игасури (это душа дворцовой местности. Теперь входит в культ Игасуринокамуноко²).

Хинооминомикото, приведя Кумэбэ³, охранял и оберегал ворота Дворца и заведовал их открытием и закрытием. Нигихаяхиномикото, руководя «Внутренними» Мононобэ⁴, приготовил и снабдил копь-

¹ Вероятно, имеется в виду, что такие химороги, т. е. участки земли, обозначенные веткой сакаки с навешенными полосками ткани, служат местопребыванием душ божеств, далее перечисляемых в тексте.

² Такамимусуби, Камумимусуби, Тамацумэусуби, Икумусуби, Тарумусуби — божества жизненной силы, связанные с концепцией рождения и плодородия. Оомияномэноками — дочь Футотаманомикото, т. е. тоже одно из божеств-прародителей рода Имибэ. Оомияномэ, видимо, была приближенной жреца (или властителя), являясь при этом посредницей между ним и племенем или подданными. Котосиронусиноками — потомок Оокунинусиноками, предоставляющий страну сошедшему с неба божественному потомку. «Бог, знающий вещи», Котосиронуси, по-видимому, был чем-то вроде оракула. Микэцугами, или в других памятниках, Ооикэцуками — божество, ведавшее едой императора. Вышеназванные восемь божеств являются, каждый со своими функциями, божествами-охранителями императорского рода. Их имена называются, например, в норито испрашивания урожая (*тосигои-но мацури*).

Вышеприведенные теперь составляют культ Ооикамуноко. — Имеется в виду, что поклонение этим божествам входит в прерогативы Ооикамуноко, великой жрицы (*ооикамунаги*).

Кусиивамадоноками, Тоёивамадоноками — божества-охранители ворот, ведущих в обитель императора, потомки Аmanoфутодаманомикото, т. е. тоже прародители Имибэ. Ивамадо — «каменный вход». Впервые также встречаются в мифе о каменном гроте, где им поручено оберегать вход в новое жилище Аматэрасу. Микадонокамуноко — «жрица священных ворот». Икусима — «живой остров» или «живые острова», божество, воплощающее Японию. Игасури — дух места, где находится жилище императора. Игасуринокамуноко — жрица божества Игасури. Все эти божества упоминаются в *норито* моления об урожае, Оомияномэ — в *норито* к празднику священных врат (*микадо-но мацури*). Два последних ритуала во времена Нара-Хэйан проводились священниками из рода Имибэ.

³ Члены клана Кумэ, несшего службу по охране дворца. Прародителем клана считается Амацукумэномикото, небесное божество.

⁴ Военская корпорация, состоящая из нескольких родов, с родом Мононобэ во главе. Последний род возводил свое происхождение к Нигихаяхиномикото.

ями и щитами. Амэнотоминомикото, предводительствуя разными Имибэ, принес небесные амулеты, зеркало и меч и водворил их почтительно во дворец, а также повесил яшму, разложив для них подношения, говорил «норито» («славословия дворца») [*отонохогаи*] (текст этого норито находится в особой тетради¹) и затем чествовал ворота дворца [*микадомацури*]. (Этот норито тоже находится в особой тетради.) И вот после этого Мононобэ подняли копья и щиты, Оотомо и Кумэ подняли оружие и открыли врата и приказали явиться провинциям четырех стран, чтобы показать величие императорского трона. В это время, т. к. грань между императором и богами еще не была далека, то один и тот же дворец и общее ложе, и это было постоянно. Поэтому божеские вещи и императорские вещи также не различались. Во дворце устроили кладовую, которую наз. Имикура², и приказали фамилии Имибэ вечно исполнять должность при ней. И еще приказали Амэнотоминомикото, руководя разными фамилиями, приготовить большой гохэй [???]³, а когда это было исполнено, приказали Амэнотанэкономикото, (потомок Амэнокоянэномикото) разрешить «небесные преступления» и «земные преступления». (Относительно небесных преступлений выше уже установлено. Что же касается земных преступлений, то это преступления, совершаемые народом в стране. Об этом подробно сказано в словах Накатоминохараи.)

Затем устроили «священный двор» [место для чествования богов] в горах Томинояма. Амэнотоминомикото, разложив гохэй, читал норито и чествовал императора. Повсюду почитая разных богов, тем благодарили за милости богов. Вследствие этого две фамилии, Накатоми и Имибэ, обоюдно ведали должностью храмовых церемоний; фамилия Сарумэнокими исполняла «священные танцы»⁴, а остальные фамилии тоже — каждая имела свои обязанности.

В царствование Сикиномидзукаки⁵ мало-помалу стали трепетать перед силой богов и не пребывали в общих палатах. Поэтому вновь приказали фамилии Имибэ, руководя двумя фамилиями, потомками бога Исигоридомэ и потомками бога Амэномахитоцу, вновь отлить зеркало и выковать меч, чтобы сделать августейшие амулеты,

¹ Трудно понять, какой текст имеется в виду. Во всяком случае, не «Энгисики», поскольку тогда этот кодекс еще не был составлен.

² «Священная (запретная) кладовая», где с начала правления императора Дзимму хранились подношения богам Неба-Земли.

³ Сам Н. А. Невский сопровождает эти слова тремя вопросительными знаками, поэтому, в соответствии с новейшими разысканиями, мы предлагаем читать этот бином как *оомитэгури* «приношения великие».

⁴ Имеются в виду танцы, сопровождавшие ритуал *кагури* — «игрища богов», о которых уже упоминалось.

⁵ В рукописи имеется иероглифическая сноска Н. А. Невского: «император Судзин». Однако Сикиномидзукаки является не японским вариантом имени императора, а названием дворца, откуда этот император правил Японией: обитель Мидзукаки в Сики. Таким образом табуировалось имя императора, — то же в указах *сэммё*, где все императоры титулуются по названиям своих дворцов.

охраняющие тела. Это и есть зеркало и меч — божественные амулеты, преподносимые теперь в день восшествия на престол.

Вследствие этого в деревне Касануи в Ямато особо возвели химороги в Сики и почтительно перенесли Аматаэрасуооками и Кусанагиноцуруги¹ и приказали императорской дочери Тоёсукирихимэ-номикото почтительно служить им. Ночью этого праздника перенесения все придворные явились и всю ночь пировали и веселились. Песня гласит:

Миябито но / Ооёсугара ни / Идзатооси / Юки но ёроси мо / Ооёсугара ни: «Придворные до поздней ночи Идзатооси (?) ах! Хороша походка! До поздней ночи»

(Теперь обычно поется: *Миябито но / Ооёсогоромо / Хидзатооси / Юки но ёроси мо / Ооёсогоромо* «Придворных роскошная одежда покрывает колена; Ах! Хороша [их] походка! Роскошная одежда». — Перефразировка вышеприведенных слов).

Затем в 6-й год чествовали восьмидесятимириадный сонм богов и вследствие этого определили «небесные храмы» [амацуясиро], «земные храмы» [куницуясиро], а также «священные земли» и «священные дома» [камубэ], приказали доставить мужскую луком [добытую] подать и женскую руками [сотканную] подать. Теперь на праздниках [в честь] богов употребление медвежьих шкур, оленьих шкур положено и пр. идет отсюда.

В царствование Макимукунотамаки² приказали императорской дочери Яматохимэномикото (вторая дочь императора; мать [ее] — императрица Сахохимэ) почтительно служить Аматаэрасуооками. Тогда, согласно наставлению богини, поставили ей храм в провинции Исэ в верховьях реки Исудзугава и вследствие этого устроили Ицукиномия и приказали Яматохимэномикото жить там. (То обстоятельство, что еще в то время, когда [Аматаэрасу] обитала на небе, заблаговременно заключила крепкий договор и бог распутья прежде сошел, — это имеет глубокий смысл.)

В это августейшее царствование впервые луком, стрелами и мечом чествовали богов и вновь установили «священные земли» и «священные дома».

Кроме того, явился сын князя Сираги, Аmanoхихоко³. Теперь в провинции Тадзима в уезде Идзуси есть большой храм.

¹ Здесь имеется в виду не богиня Аматаэрасу, а ее воплощение в священном зеркале, а также «меч, рубящий траву» (*кусанаги*).

² Имеется в виду император Суйнин, правивший во дворце Тамаки в местности Макимуку.

³ Персонаж сюжета, включенного и в «Кодзики», и в «Нихон сёки», где рассказывается о женщине в корейском княжестве Сираги (Силла), зачавшей от солнечного луча. Она родила красную жемчужину, которая впоследствии, попав к княжескому сыну, превратилась в девушку. Принц женился на этой девушке, она же вскоре покинула его дом и уплыла на ладье в Японию. Туда же отправился княжеский сын на ее розыски, взяв с собой так называемые *тамацутакара* «жемчужины-драгоценности», а именно: две нитки жемчуга,

В царствование Макимукунохисиро приказали Яматотакэруномикото¹ отправиться покарать восточных варваров. Когда, сделав крюк дорогой, зашел в храм бога в Исэ² и на прощание повидался с Яматонохимэномикото, — она вручила Яматотакэруномикото «траву скосивший меч» и наставляя, сказала: «Будь сдержан и не ленись». Яматотакэруномикото, уже усмирив восточных варваров, возвращаясь, дошел до страны Овари, женился на Миясухимэ, и продолжительная остановка перевалила за месяц. Отвязав меч, оставил дома и, пешком отправившись, поднялся на гору Ибукияма и, будучи отравлен, скончался³. Его «траву косящий меч» хотя теперь и находится в храме Ацутаноясиро в провинции Овари, но еще не пожаловали культовых прав.

В царствование Иварэновакасакура⁴ обнаружился великий бог Суминоэ⁵; походом покорили Сираги; и «Три кан»⁶ впервые явились ко двору. Князь страны Кудара искренне выполнил свою честность и до конца не был двоедушен.

В царствование Карусиманотоёакира⁷ князь Кудара представил ученого Вани. Это предок Фуминообито [из] Кавати. Предок Хатанокими, Юцуки, приведя жителей 120 селений, явился под покровительство. Предок Ая-но-атаэ, Атинооми, приведя жителей 17 селений, явился ко двору. Присоединившихся к нам народов Хата, Ая и Кудара каждого насчитывают массаами [букв.: мириадами]. Они вполне достойны славы. У всех имеются свои храмы, но они еще не состоят в числе тех, которым подносится от правительства гохэй. В

шарф, поднимающий волны, шарф, разрезающий волны, шарф, поднимающий ветер, шарф, разрезающий ветер, зеркало открытого моря, зеркало побережья. Как сказано в «Кодзики», «это восемь великих богов Идзуси», т. е. эти предметы являются объектом поклонения в храме Идзуси, о котором, по видимому, и идет речь в этом фрагменте «Когосюи».

- ¹ Император Кэйко, правивший из обители Хисиро в Макимуку. Яматотакэруномикото — герой, покоривший, согласно мифологическим сводам, различные земли и подчинивший их владычеству Ямато.
- ² По-видимому, правильнее было бы перевести «в храм богини». Речь, скорее всего, идет об Аматаэрасу, тем более, что упоминается ее жрица, Яматохимэномикото.
- ³ Согласно мифу, Яматотакэру произнес, обращаясь к божеству горы Ибуки, *котоиэ*, т. е. дерзкие слова, непозволительные по отношению к божеству. За это бог горы, превратившись в белого вепря, поднял бурю и сбил их с пути (заставил потерять рассудок, опоил, оглушил — это выражение в обоих сводах толкуется неоднозначно).
- ⁴ Императрица Дзинго, которая правила в обители Вакасакура в Иварэ.
- ⁵ Божество-дракон в трех ипостасях, явившийся в результате омовения Идзанаги после его возвращения из страны мрака, Ёмоцукуни. Поскольку он был божеством мореплавателей, живших на побережье Кюсю и совершавших набеги на побережья Кореи и Китая, вскоре он был провозглашен богом войны. Вселившись в императрицу Дзингу, он повелел ей совершить военный поход в Корею (который, впрочем, многие исследователи считают исторически достоверным).
- ⁶ Или три кара, три корейских княжества, Силла, Пякче и Когурё.
- ⁷ Император Одзин, правивший в Карусима из обители Тоёакира.

царствования, следующие за Иварэновакадзакура, подношение дани «Тремя канами» из поколения в поколение не прекращалось. Возле Имикура, вновь выстроив Утигура, отделив, поместили казенные вещи и затем приказали Атинооми вместе с ученым Вани из Кудара переписать ее содержимое и впервые установили [должность] курабэ.

В царствование Хассэноасакура¹ фамилия Хада раздробилась и примкнула к другим родам. Так как Хада-но-Сакэ-но-Кими, поступив на службу, заслужил расположение [императора], то приказом все фамилии Хада пожаловали Сакэнокими. И тогда он стал управлять масабэ восьмидесяти категорий, и подати от шелководства и пряжи стали накапливаться при дворе; вследствие этого ему пожаловали фамилию Удзумаса (это значит, что вследствие накопления «становилось все больше и больше» [-удзумаса?]). Так как доставляемые шелк и вата нежили кожу [хадаэ], то так и читают «хада». Затем шелком, доставляемым фамилией Хада, обматывали рукоятки мечей, которыми чествовали богов. (Теперь обычно точно так же. Это и есть происхождение так называемого Хада-но хатамаки.)

С этого времени дань с разных провинций все увеличивалась и возрастала из года в год. Вновь выстроили «Большую кладовую» [Оокура] и приказали Сога-но-Мати-но-Сукунэ исследовать и проверить «три кладовые» [имикура, утигура и оокура], фамилии Хада — сортировать их вещи, а Восточной и Западной фамилии Фуми [Яматокоотино Фуми-си] ревизовать и записывать в книгу. Вследствие этого фамилии [си] Ая пожаловали фамилию Утигура-Оокура; это потому, что двум фамилиям [си], Хада и Ая, было приказано быть ключарями [кагиториноцукаса] и привратниками [курабэ] «Внутренней кладовой» и «Большой кладовой».

В царствование Охарита непрерывность племени Футотаманомикото стала [тонка]², как пояс. Императорская [букв.: небесная] милость поднимала разрушающееся и продолжала рвущееся, и они в некоторой мере исполняли свои обязанности.

В царствование Наниванонагаранотоёсаки³ в 4-й год «Белого феникса» Сёквэгэ⁴, по имени Имибэ-но Обито Сакаси, почтили «главою священнх чинов» (это теперешние дзингихаку⁵) и приказали заведовать и соблюдать церемонии императорской фамилии и придворные браки и гадания. Обряд августейшего гадания в летний и

¹ Император Юряку, правивший из обители Асакура в Хацусэ.

² Речь идет о том, что клан Имибэ подвергся притеснениям и утратил прежнюю роль в придворных ритуалах. Охарита — время правления легендарной императрицы Суйко (VI в.).

³ Император Котоку (645—650), правивший из дворца Тоёсаки в Нагара в Нанива.

⁴ К этому слову Н. А. Невский ставит вопросительный знак. Его сноска к этому слову гласит: «Название чина — 10-я степень из 19-ти, установленных в 5-й год Тайка». Речь идет, по-видимому, о чине «Малый цветок», дававшем право носить головной убор из золотой парчи с изображением священной горы, упоминаемой в китайских легендах, и алое одеяние.

⁵ Глава дворцового приказа Дзингикан, ведомства по делам богов неба и земли.

зимний два сезона впервые начался в это время. Потомки Сакаси не могли продолжать его должность. Сравнивающиеся холмы, осыпаясь, становились все меньше и меньше, и так дошло до сегодня.

В царствование Киёмихара¹ изменили массу [букв.: мириады] кабанэ империи и разделили их на 8 классов [*махито, асоми, суку-нэ, имики, митиноси, оми, мурадзи и инаки*], при этом сообразуясь только с заслугами данного времени, а не основываясь [не принимая во внимание] на подвиге сошествия с неба. Вторую из них называют асоми, ее пожаловали фамилии Накатоми, по повелению пользовались саблём [*тати*]; третью из них называли сукунэ — ее пожаловали фамилии Имибэ и по приказу пользовались кинжалом; четвертую называют имики, ее сделали кабанэ двух фамилий, Хада и Ая, а также фамилии Фуми из Кудара и др. (Дело в том, что они вместе с Имибэ заведовали делами *имикура*, вследствие чего и создано их *кабанэ*. Теперь Ямато кооти-но Фуми-удзи преподносит «саблю очищения» — *хараэ-но тати*. Это тоже идет отсюда.)

В годы «Великого сокровища» [Тайхоо²], хотя впервые имелись письменные документы, но список богов все еще не имел ясного плана и в церемониях почитания богов еще не утвердили их ритуала.

В годы «Небесного умиротворения» [Тэмпёо³], когда вздумали сделать реестр богов, то Накатоми, сосредоточив право [на это у себя], по своей воле брали и отбрасывали; имеющие отношение [к фамилии Накатоми], будь даже маленькая часовня, все вошли [в список], не имеющие же связи, будь даже большой храм, все так отброшены.

В докладах императору и опубликованиях народу в то время они [Накатоми] одиноко шагали, и потому доходы с разных храмов все шли в одни врата.

Начиная с сошествия с неба и вплоть до восточного похода имена сонма богов из свиты обнаружены в государственной истории. Или восприняв строгое повеление царственного неба, [они] были охранителями императорского трона, или же, встретившись с обильным развертыванием блестящей судьбы, помогали великому образованию трона. В таком случае при записывании подвигов и вознаграждении заслуг должно одинаково исполнять празднование [их]. Пожалуй, они еще не уравнены в подношении гохэй'ев и как бы затаили ненависть Кайсуй'я⁴. А опять-таки «Траву косящий священный

¹ Речь идет о правлении императора Момму (697—707), правившего из дворца Киёмихара в Асука. При Момму были учреждены высшие учебные заведения, а также был составлен кодекс законов «Тайхо рицурё» (701 г.).

² 702—704 гг.

³ 729—749 гг.

⁴ Кай Ши-суй, легендарный персонаж китайской истории, сопровождавший Цзе Цзы-дуя, сбежавшего от своего отца, властителя Цзинь. Когда молодой наследник, нищий и голодный, умирал от истощения и усталости, его спутник отрезал кусок своей ноги, чтобы спасти его. Однако, вернувшись в свою стра-

меч!» Ведь это действительно небесный амулет. С года триумфального возвращения Яматотакэруномикото он остался и находится в храме Ацута в пров. Овари. Иноземные разбойники¹, украв его, бежали, но не могли выйти за границу — в этом и можно видеть чудодейственность божественного предмета. И в таком случае в дни подношения гохэй можно бы одинаково [с прочими] его почитать, но с давних пор, относясь небрежно, не исполняли этой церемонии. Это — одно из забытого.

Почитание праотцев и преклонение пред патриархами есть то, что должно быть поставлено прежде всего в наставлениях церемониями. Поэтому совершенные государи, поднимаясь на высоту [т. е. вступая на престол], принимали завершение от «Культурного Предка», молились Верховному Государю, праздновали 6 почитаемых, чествовали горы и реки и не забывали ни одного бога². Таким образом, Великая богиня Аматаэрасу — это предок, это — патриарх. В почитаемости нет ей равной; следовательно, все остальные боги — это сыны, это — подданные. Который же из них может осмелиться подняться до нее? Но теперь священнослужители в дни поднесения гохэй'ев после всех богов излагают Исэ'ский храм³ богини. Это второе из забытого.

Великая богиня Аматаэрасу, собственно, первоначально находилась в одном дворце с императором, поэтому и обряды прислуживания идентичны для государя и богини, и это началось еще на небе. Накатоми и Имибэ, две фамилии, взаимно помогая [друг другу], возносили молитвы к Богине Солнца, предок Сарумэ тоже рассеивал

ну после смерти отца, Цзе Цзы-дуй вознаградил всех своих сторонников кроме Кай Ши-суя.

¹ Согласно легенде, буддийский священник Догё похитил священный меч, чтобы отвезти его в корейское княжество Сираги (Силла).

² Эта фраза по-разному толкуется комментаторами. Некоторые видят в ней отсылку к китайским императорам древности Яо и Шуню, другие полагают, что этот, сугубо китайский, отрывок текста приведен ради следования китайской традиции, однако имеет в виду чисто японские понятия. Выражением «культурный предок» Н. А. Невский передает бином *вэньцзу* 'предок вэнь' (письменности).

В рукописи перевода на отдельной странице Н. А. Невский выписывает цитату, которую приводят многие комментаторы «Когосюи» и к которой, по-видимому, все же восходит данный фрагмент текста. Эта иероглифическая цитата из «Шуцзин», одной из книг китайской классики. Невский переводит ее следующим образом: «Первого месяца в первый день [Шунь] принял окончание [престола Яо; т. е. наследовал Яо] от "Культурного предка"; тем урегулировал 7 правлений [солнце, луна и 5 звезд]; наконец молился Верховному Государю, праздновал 6 почитаемых и чествовал горы и реки и исчерпал список всех богов». Шесть почитаемых — некоторые авторы полагают, что «шесть» применительно к японскому контексту означает «много».

Такое окказиональное употребление числа «шесть» в роли магического представляется сомнительным. Можно предположить, в частности, что речь идет о шести ближайших умерших предках, которым китайцы ставили таблички у домашнего алтаря.

³ Имеется в виду, что при оглашении списка прославляемых богов Аматаэрасу оказывается последней.

гнев богини. Следовательно, обязанности трех фамилий не могут быть отделены друг от друга. Однако теперь служителями Исэ'ского храма назначают только фамилию Накатоми и не поручают [остальным] двум фамилиям. Это третье из забытого.

Вообще при постройке святилища во всем должно согласовываться с должностями эпохи богов. Чиновник Имибэ, приведя Имибэ из двух селений — Мики и Арака, рубил «очищенными топорами» и рыл «очищенными долотами», а затем, после того как плотники, опустив руки, закончили работу, Имибэ производили «Праздник дворца» и «Праздник врат», а когда было кончено это, можно было и императору поселиться. Но при постройке Исэ'ского храма, а также Юкисуки-но-мия при восшествии на престол¹ все это не поручают Имибэ. Это — четвертое из забытого.

Затем «Праздник дворца» и «Праздник врат»², собственно, были церемонией, произведенной Футотаманомикото, и были исполняемы фамилией Имибэ. Несмотря на это, Накатоми и Имибэ, совместно служа на священных должностях, друг другу помогая, почтительно исполняли [эти праздничные церемонии]. Поэтому в докладах Министерства двора говорится: «Докладываем, что, имея в виду исполнять "Праздник дворца", Накатоми и Имибэ пребывают в Августейших вратах». В года «Сокровища черепахи»³ впервые Кунаиносёо, Добавочной 5-й степени второго ранга, Накатоми-но Асоми-Цунэ произвольно изменил слова доклада, говоря: «Накатоми, руководя Имибэ, пребывают в Августейших воротах», — и вследствие того, что данное министерство последовало этому, это сделалось впоследствии постоянным правилом и до сего времени не изменено. Это пятое из забытого.

Затем, начиная с эпохи богов, Накатоми и Имибэ, исполняли священные дела и не было никакой разницы [между ними]. После среднего периода права перешли к одной фамилии Сюдзинси [духовный церемониймейстер] в Сайгурёо, как Накатоми, так и Имибэ первоначально были чинами одинаковой, 7-й степени. Но в начале [периода] Энряку, в день, когда был посвящен Асавара-но найсинно⁴, нарочно

¹ Речь идет, во-первых, о традиции переносить храм Исэ, посвященный богине Аматэрасу, раз в двадцать лет на новое место в пределах того же храмового комплекса. Что же касается церемонии восшествия на престол, то для нее возводились два павильона, Юки-но мия и Суки-но мия, куда свозили священный рис, также делившийся на виды *юки* и *суки*, однако трудно установить, чем отличались эти виды во времена Нара-Хэйан. По-видимому, ранее, при возведении и освящении этих построек, ведущую роль играли представители рода Имибэ.

² Благопожелание великому дворцу (*оото-но хокаи*) и празднество священных врат (*микадо-но мацури*) — церемонии освящения жилища императора, раньше входившие в компетенцию Имибэ.

³ Годы Хоки, 770—781 гг.

⁴ Здесь Н. А. Невским допущена неточность. Речь идет о назначении дочери императора Камму, принцессы Асахара (Асавара), жрицей храма богини Аматэрасу в Исэ, состоявшемся в первом году Энряку (782 г.).

понизили Имибэ и сделали чином 8-й степени, и до сих пор [это] еще не восстановлено. Это шестое из забытого.

Вообще при поднесении гохэй'ев различным богам Накатоми и Имибэ совместно поручали это дело. Но теперь на должность Дадзайно сюдзинси [главный духовный церемонийместер Дадзайфу¹] назначаются только Накатоми и не поручают Имибэ. Это седьмое из забытого.

Также в больших храмах разных провинций назначают Накатоми и не поручают Имибэ. Это — восьмое из забытого.

Вообще церемония «водворения души»² — это следы, оставленные Амэноудзумэномикото. Поэтому на должность августейшей мико должно назначать древнюю фамилию! Но теперь выбирают, не рассуждая, из других фамилий. Это — девятое из забытого.

Вообще при изготовлении больших гохэй'ев тоже должно сообразовываться с должностями эпохи богов. Чин Имибэ, приведя несколько фамилий мастеров, по правилам изготовили и снабдили. Таким образом, [в числе] священнослужителей [дзингикан] камбэ должны быть Накатоми, Имибэ, Сарумэ, Кагамидзукури, Тамадзукури, Татэдзукури, <...>³, Сидори, Оми и другие фамилии. Но теперь только бывают Накатоми, Имибэ и 2—3 другие фамилии. За исключением их остальным фамилиям не разрешается быть избираемыми. Потомки богов исчезли и рассеялись, и их отпрыски готовы исчезнуть. Это — десятое из забытого.

Затем в 9-й год Сёохоо⁴ в устных распоряжениях Сабэнкван'а⁵ [сказано]: «Впредь с настоящего времени как послов с гохэй'ями [хэйхакуси] в великий храм Исэ специально употребляют Накатоми и не посылают других родов». Хотя это и не было проведено, но все же занесено в официальные бумаги и не уничтожено. Это — одиннадцатое из забытого.

В древности в период богов бог Оотоконуси в день обработки полей приказал полевым рабочим есть коровье мясо. Тогда сын бога Митосиноками⁶ явился на эти поля, оплевал угощение и, вернув-

¹ Военный округ на Кюсю в средневековой Японии.

² Тинконсай, или Тамасидзумэ-но мацури «празднество усмирения души». Особая роль в церемонии отведена роду, считающему себя потомками богини Амэ-но Удзумэ, с помощью которой удалось извлечь Аматаэрасу из Небесной пещеры.

³ В перечне родов Н. А. Невский оставил без транскрипции один, записав его название иероглифами. Это Камухатори, род «ткачей божественных одеяний».

⁴ Тэмпё-Сёхо (749—757), 9-й год Сёохоо — 757 г.

⁵ Сабэнкван, или Хидари-но оотомои-но цукаса — левый приказ управления делами Государственного совета.

⁶ Легенда, следующая после этих слов, обычно возводится комментаторами к китайской традиции, зафиксированной в «Суйши» (636 г.). Принесение в жертву животного белого цвета зафиксировано в разных странах Юго-Восточной Азии. Возможно, что в истоке лежит махаянская «Шрикантхасутра», где один брахман предлагает умиротворить разгневанных богов, принеся им сотни белых животных — лошадей, верблюдов, коров, овец, петухов и собак.

шись, обо всем донес отцу. Митосиноками, разгневавшись, напустил саранчу на эти поля, и листья ростков внезапно посохли, и стало похоже на мелкий бамбук. Тогда бог Оотоконусиноками приказал Катаканнаги [птица ситото] и Хидзиканнаги (теперь это то, что в народе называется «каманова», а также *юниура* [?]) гаданием отыскать причину этого. «Митосиноками ниспослал кару. Должно поднести ему белого кабана, белого коня и белого петуха, чтобы рассеять гнев его». — Согласно наставлению, принесли повинную, и Митосиноками в ответ сказал: «Поистине это мое дело [букв.: идея, мысль]. Нужно из сердцевины пеньки сделать шпульку и счистить их, а затем ее листьями вымести их, небесной "толкай-травой"¹ вытолкать их, "вороновым веером"² обвеять их. Если же и после этого не исчезнут, должно коровье мясо положить у отверстия стока [ми-дзо] и, сделав фигуру мужского члена, приложить к нему [мясу] (это то, чем заклиняют гнев его); плоды дзудзу [теперь наз. *дзудзудама* или *сатомуги*], перец, листья грецкого ореха, а также соль разложить по межам этим (т. е. этого поля — старинное слово произносится дзудзу)». И вот, когда последовали этим наставлениям, листья ростков вновь стали густы и годовичные злаки обильно созрели. Вот поэтому-то теперь священные чины [дзингикан] празднуют Митосиноками белым кабаном, белым конем и белым петухом.

Вышеизложенные факты эпохи богов по рассказу похожи на Паньгу³. Идея сомнения [в существовании] льда и взять веру действительно трудно⁴. Однако в нашем государстве чудесные следы божественных предметов теперь все [еще] существуют и имеют действие. Невозможно назвать выдумкой. Только средние века⁵ еще примитивны, и церемонии и музыка⁶ еще неясны. И при регулировании дел и установлении законов была масса упущений.

Теперь же священная судьба [трона] впервые развернулась и озарила лучами Яо⁷ восемь островов и [года правления] Хоорэки⁸,

¹ «Осигуса» теперь наз[ывается] «гоманохагуса» или «гомакуса» — кунжут (*Примеч. Н. А. Невского*).

² «Карасуооги» — растение, теперь наз[ывается] «хёоги» (*Примеч. Н. А. Невского*).

³ Первопредок, первый человек, согласно поверьям древних южнокитайских племен. В мифах «Кодзики» и «Нихон сёки», в самом деле, возможно отыскать фрагменты, сходные с различными версиями сюжетов о Паньгу, однако в сжатом повествовании «Когосюи» они опущены.

⁴ Перевод Н. А. Невского здесь настолько буквален, что оказывается не вполне понятным. Составитель «Когосюи» хочет сказать, что его современники, возможно, сомневаются в достоверности рассказа об эпохе богов, подобно тому, как летняя мошка не верит в существование льда зимой. Метафора мошки и льда заимствована из «Вэнь сюань».

⁵ От имп[ератора] Коотоку до имп[ератора] Момму (*Примеч. Н. А. Невского*).

⁶ Ли и юэ, основа конфуцианских государственных установлений.

⁷ Легендарные идеальные правители китайской древности.

⁸ Здесь, по-видимому, ошибка Невского, Хоорэки не является названием времени правления, о котором идет речь. Эра Хоорэки действительно существует, но относится к XVIII в. Здесь все же, вероятно, имеется в виду китайский бином *баоли*, букв.: 'драгоценный период времени', т. е. указание на эпоху царствования императора Хэйдзэй, при котором и было составлено «Когосюи».

обновившись, разлили волны Шуня по миру [букв. до четырех морей]; изменили дикие [скверные] обычаи на [обычаи] ушедших поколений и исправили бесплодное правление на [прекрасное] данных годов.

Согласно с временем установили нормы и передали роскошный дух на мириады веков, подняли разрушившееся и продолжали прерванное и имели в виду починить пренебрегаемые тысячелетиями нормы.

Если в эти года перестройки обрядов не урегулируют церемоний почитания богов, то, пожалуй, впоследствии на данное время будут смотреть так же, как теперь смотрят на древность.

Глупый подданный Хиронари в дряхлом возрасте, уже перешагнув за восемь десятков, собачья и лошадиная любовь с утра до вечера становились все теснее и больше¹. Если вдруг я переселюсь в другой мир, я схороню свою скорбь под землей. В рассказах прохожих тоже ведь есть, что можно взять, мысли простых смертных тоже нелегко безрассудно отбросить. К счастью, встретившись с благоприятным временем [императорского] осведомления, глубоко радуюсь, что устные предания не пропали, и мечтаю о том, чтобы это произведение достигло императора и удостоилось подробно быть августейшего просмотра.

13 числа, второго месяца,
третьего года Дайдоо (808 г.)²

Заметки о похоронных обрядах в селении Тоёнага-го³

С выступлением Японии на сцену мировой истории или, вернее, общемировой, общегосударственной жизни после Реставрации

¹ Китайский фразеологизм «любовь пса и лошади» означает «верноподданнические чувства».

² В разных списках памятника приводятся разные даты, все, впрочем, относящиеся к годам Дайдоо. В настоящее время более или менее признанной датой считается 807 г.

³ Печатается по архиву библиотеки Тэнри.

Похороны, описанные в рукописных заметках, в принципе укладываются в распространенную обрядовую схему, принятую, например, у народов Сибири. Здесь есть и обряжение покойника, и вынос тела через особое отверстие в доме, не совпадающее с основной дверью-входом, наделение покойника новым жилищем (гробом), жертвоприношения, тризна на могиле, угощение покойника, а также специальные охранительные меры при возвращении домой с соответствующим очистительным обрядом.

Дважды в переводе встречается отсылка к данным относительно «предыдущих селений». По-видимому, речь идет о материалах, помещенных в том же рукописном сборнике, но свидетельствующих об обрядах, принятых в других селах той же провинции.

Все реалии в тексте разъяснены, кроме понятия *кэйкуко* «дети по договору». Так называли детей, которые рождались ослабленными, и им назначались «родители по договору» (*кэйякуоя*). Считалось, что такие родители наделены магической силой, способной помочь ребенку выжить, от них также ожидалось, что они всегда будут опекать ребенка.